Р.Г.Пихоя,
доктор исторических наук, профессор

ЦАРЬ И НАРОД

Царская власть в общественно-политических представлениях горнозаводского населения Урала XVIII века

В истории общественно-политической мысли России XVIII в. важное место занимают слухи, молва, ожидание каких-то «милостивых» указов и манифестов, надежды на появление «истинного» царя[1]. Бесчисленные слухи о подмененном царе, истинных грамотах, освобождавших от разных повинностей, власти помещиков и монастырей, распространялись в течение XVIII в. по всей России. Урал не был исключением. Своеобразие их проявления состояло по преимуществу в этой среде, где они распространялись. В данном случае такой средой было в основном горнозаводское население края.

Естественно, что степень осмысления социального противостояния здесь иная, чем в челобитных. В слухах, ожиданиях мы встречаемся с социально-психологическим состоянием общественного сознания. Болгарский исследователь В.Вичев отмечал, что обычно ни распространяющий слухи, ни слушающий их не могут определить свои цели, но слухи выполняют роль отдушины, порождают надежды. Это извращенный и ложно адресованный способ проявить свое недовольство, желание бороться, не выступая прямо против противника[2].

Власти Российской империи с особенным тщанием преследовали слухи «против персон блаженныя и вечнодостойныя памяти е.и.в. (Петра I. – *Р.П.*), а также и ныне благополучно владеющей е.и.в. и их высокой фамилии»[3].

Известно, что в 20-е гг. XVIII в. на Урале были широко распространены убеждения об антихристовой природе царствующей династии

[1] См., например: *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 80 – 135; *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVIII – XIX вв. М., 1967.

[2] См.: *Вичев В.* Мораль и социальная психология. М., 1978. С. 87.

[3] Указ Екатерины I от 30 января 1727 г. // Государственный архив Пермской области. (Далее – ГАПО). Ф. 297. Оп. 1. Д. 1121. Л. 39 – 39 об.

вообще и Петра I в частности[1]. Слухи об этом продолжали существовать и позже. «Книги секретных дел» – секретного судопроизводства по политическим делам Главного заводов правления в Екатеринбурге зафиксировали многочисленные случаи их сохранения.

Впрочем, условия их проявления отличались от тех, которые были зафиксированы в начале 20-х гг. XVIII в. Там критике подвергалось непосредственно персона императора «и роды их царские неистовые». Позже объектом критики становятся главным образом отдельные элементы государственной эмблематики – деньги, присяга, паспорта[2]. При анализе этих дел складывается впечатление, что доносчики не хуже своих жертв знали о слухах, направленных против государственных символов, а в конкретно-исторических условиях этого времени – против признаков царской власти. Эти доносчики в некоторых случаях формулировали слухи о «проклятой» власти смелее, чем те, кого им удавалось подслушать. Так, целовальник по продаже соли Кушвинского завода Федор Копосов обвинил в 1745 г. жителя этого завода Ивана Угольникова в том, что тот на слова Ф.Копосова, что «он человек присяжной», сказал: «Проклятая ваша присяга». Как выяснилось, дело было посложнее. Целовальник обманул Угольникова на три деньги, а когда покупатель стал ругать продавца-целовальника, то говорил, что «присяжному человеку подлежит весить правильно». Горные власти увидели в доносе Копосова ложный извет, доносчик был наказан батожьем, а Угольников – плетьми (вероятно, за самую попытку разобраться в том, что положено и что не положено «присяжным людям»)[3].

Ранней весной 1725 г. на Уктусском заводе, судя по выявленным нами данным в фонде Главного заводов правления в Свердловском архиве, имел место массовый отказ от присяги Екатерине I. Капрал Тобольского полка, обходивший завод и с барабанным боем призывавший жителей идти в церковь, чтобы там присягнуть наследнице Петра I, встретился на торгу с людьми, которые, «слыша барабан, прочь отходят, которых де он (капрал. – *Р.П.*) спросил: – Чего ради в церковь к присяге не идете? И они де сказали: Мы не раскольники, и в церковь де нам идти невозможно. И хотя де голов наших не будет, то де к присяге не пойдем».

---

[4] См.: *Пихоя Р.Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала. (Конец XVII – XVIII вв.) Свердловск, 1987. С. 90 – 95.

[2] *Гурьянова Н.С.* Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 80 – 86.

[3] Научная библиотека Пермского педагогического института. (Далее – НБ ППИ). Книга секретных дел 1746 г. Л. 114 – 115.

Тут же арестованные за отказ от присяги Козма Калабродов, Трофим Серебряков, Тимофей Кудрявой, Петр Завьялов были допрошены. На стандартный для этого следственного дела вопрос: «У присяги ты когда, где был, и кто по воли е.и.в. избран будет наследником, чтоб тебе служить верно?» – следовал почти стандартный ответ всех подследственных: «Нигде де не бывал»[1]. «Нигде не бывал» – не бывал и на присяге «неназванному наследнику» в 1722 г., отказ от которой стал одной из причин восстания в Западной Сибири, в казачьем городе Таре.

Необходимость присягать в церкви или посещать ее и тем самым внешне засвидетельствовать политическую лояльность и в дальнейшем провоцировала конфликты между официально православными органами власти и подданными Российской империи – старообрядцами. Чем выше оказывалась степень принуждения, тем чаще «увещеватели» вынуждали своих оппонентов формулировать мысль об антихристовой сути царской власти.

Бытовой зарисовкой такой ситуации стало расследование, попавшее в протоколы секретных дел Главного заводов правления. На Пыскорском медеплавильном заводе один из добровольцев – увещевателей раскольников, фурьер Екатеринбургской роты по дороге в церковь 27 июня 1747 г. встретил рудопромышленника, посадского Аввакума Кручинина и стал донимать его вопросами: «Зачем не идешь ты в церковь? Сего де дни будет отправлятца о взятии победы пот Полтавою молебствие.

– На то он мне (фурьеру) сказал, что не иду. Потому я ему сказал: “Что ты разве кержак? И ежели ты кержак, кои по указам называются раскольниками, то оных велено по указам проклинать”.

Обозлившийся рудопромышленник, действительно записной раскольник, крикнул фурьеру: “Ты сам дьяволу служишь”»[2].

Обвинения в «проклятой присяге» адресовались и солдатам. Рассыльщик Сылвинской заводской конторы Панкрат Бутаков в 1752 г. сказал караулившему заводскую контору отставному солдату Некрасову, прослужившему 26 лет – с 1722 г. по 1748 г.: «Служишь ты черту»[3].

Символом императорской власти служил государственный герб и его изображение на деньгах. Они тоже стали объектом переосмыс-

[1] Государственный архив Свердловской области. (Далее – ГАСО) Ф. 24. Оп. 1. Д. 71. Л. 297 – 311.

[2] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1117. Л. 382. Главное заводов правление сочло также ложным обвинение Каменского крестьянина Сидором Суворковым другого крестьянина того же Каменского острога Никифора Попова, «что де ты, Суворков, разве за черта присягу принимал». ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 115. Л. 208.

[3] Там же. Д. 1117. Л. 363 – 363 об.

лений и перетолкований. В 1756 г. служитель Каслинского завода Фетчищев, попавший за какую-то провинность под плети, сделал извет «о новонапечатанных копейках, вот-де новые копейки стали в народе ходить, а напротив же того... объявленная вдова (жительница Каслинского завода) сказала, потом де и рублевики новые станут в народе ходить, а ***слышно, вместо орла напечатают уже на рублевиках змеи***"[1]. Такие слухи, свидетельствовавшие об уверенности в «антихристовой природе» царской власти, широко использовались в старообрядческой литературе наиболее радикального толка русского раскола – странников[2]. В данном случае можно утверждать, что эти слухи, позднее попавшие в Цветник Евфимия, бытовали раньше, чем появился этот толк раскола.

В быту же власть олицетворяли паспорта, прямое порождение ревизий. Уже проведение первой ревизии было расценено как нарушение основных законов человеческого развития. В старообрядческом Цветнике, бытовавшем на Урале в середине XIX в., давалась следующая оценка этим мероприятиям правительства: «…сие установление их (ревизий. – *Р.П.*) не по прежде установлению благочестивых царей, но нечто особое вне границ православного правления... потому что всякого при своем житии крепко ограничивает»[3].

Эти аргументы служили внутренним самооправданием для беглецов, превращались в убеждение в праве искать убежища от преследований вопреки всем паспортам и ревизиям. В начале 50-х гг. XVIII в. был арестован живший в Екатеринбурге московский купец третьей гильдии Иван Косов. Сведения, которые он сообщил при допросе в присутствии губернатора Сухарева, а затем в келье самого митрополита, вызвали оживленную переписку между церковными, губернскими и заводскими властями Урала и Сибири, сохранившуюся в «Книге секретных дел» Главного правления заводов за 1750 г. И. Косов рассказал, что «тогда текущего 1750 году Екатеринбургских и Демидовских заводов из расколников многия разбежались в Бухарскую и Контайшинскую земли и в Польшу за рубеж, всего девятьсот человек мужеска и женска полу»[4]. Сам Косов узнал это

---

[1] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1121. Л. 73 об. – 75.

[2] Подробнее о старообрядческом (странническом) осмыслении государственной эмблематики Российской империи см.: *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма.Новосибирск, 1988. С. 82.

[3] Цветник – «душепагубник». Хранилище древних актов Уральского университета. Без №№. Л. 66 об. – 67. О его бытовании на Урале свидетельствуют записи чиновников, конфисковавших эту книгу и передавших ее в Пермскую консисторию.

[4] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1130. Л. 290.

от своего знакомого – приказчика Нижнетагильского завода Ивана Андреева, который на вопрос Косова: «Каково у них на заводе житье?» сказал: «Ныне де у нас житье весма худо, и люди все находятся в страхе и сумнении и боятся де таковых присылок, в каковой Сибирскаго гарнизона порутчик Ебгарт находился. И по ево де Андреева отъезде со всех демидовских и екатеринбургских бежало из раскольников мужеска и женска полу до пятисот душ»[1].

Тогда Косов задал Андрееву новый вопрос: «А куда бес пашпортов могут ити, потому де бес писменного виду никому и пропуску не чинят?». Андреев ответил решительно: «Какие де им пашпорты надо было, кого как бог управит. Иные пройдут в Полшу за рубеж, а другие, коим полехче, в Сибирь, в Бухарскую и Контайшинскую земли. И в каком де месте нас бог жить приведет, толко бы от православия по старинным книгам и от двоеперстнаго сложения нас не отвращали»[2].

«Какие де им пашпорты?» Отсюда было недалеко до вывода, который сделал молотовой мастер Степан Просвиряков, что паспорта годятся лишь для того, чтобы «ими... подтирать» (за что и был бит батожьем)[3].

Крайним воплощением неприятия паспортов, подрывом самой идеи паспорта стали так называемые страннические «духовные паспорта». Бытовавшие в среде одного из радикальных направлений староверия, «духовные паспорта» символизировали собой полное отрицание существовавших порядков. Представление о таких сочинениях, бытовавших и на Урале, дает берестяной паспорт из фондов Свердловского объединенного историко-революционного музея. На рубеже XVIII – XIX вв. (точнее в 1802 г.) этот паспорт принадлежал некоему «висимскому мещанину»[4].

Внешне повторяя структуру официального документа, его формулу, «духовный паспорт» по существу пародировал, а пародируя, отрицал те нормы, которые лежали в основе паспортной системы феодальной

---

[1] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1130. Л. 195 – 195 об.

[2] Там же. Л. 290. Следствие, специально изучавшее вопрос о бегстве раскольников за границы Российского государства, действительно установило случаи бегства жителей Екатеринбургского и Нижнетагильского заводов. Однако число беглецов – 500 человек – представляется, судя по этим сведениям, значительно преувеличенным. См. там же. Л. 195 – 205 об. В 1751 г. Тюменская воеводская канцелярия расследовала дело о побеге 66 староверов Выйского, Висимо-Шайтанского и Нижнетагильского заводов, подозревавшихся в желании бежать в Бухарскую землю. См.: Черкасова А.С. Социальная борьба на заводах Урала. М., 1985. С. 52.

[3] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1125. Л. 141.

[4] *Нестеров А.Г.* Берестяные рукописи Свердловского историко-революционного музея // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 233 – 236.

России. Он и выдавался «из града бога вышняго из сионской полиции и голгофскаго квартала. Приложено к сему пачпорту множество невидимых рук святых отец. Дан оной пачпорт от нижеписаново числа на один век, а по истечении срока явиться мне в место нарочито на страшный суд Христов...». Его обладатель –

...раб божий имярек
уволен из Иерусалима, града божия,
в родные города и селения
ради души спасения,
телу же грешному ради всякого озлобления...
Ходити правым путем во Христе,
дабы незадеръжал враг раба божия нигде...
а кто мя ради веры погонит,
тот в яве себя со антихристом во ад готовит[1].

Такой «духовный паспорт» противоречил официальному паспорту не только в полицейском смысле. Едва ли не главное, что он противостоял в мировоззренческом отношении. Основываясь на традиционных для крестьянства и феодальной поры нормах «теологического мировоззрения», приспособленных к объяснению политических реалий Российской империи, «духовный паспорт» доказывал незаконность, несостоятельность стремления задерживать «раба божия», тем более уходящего «ради души спасения, телу же грешному ради всякого озлобления».

Слова нижнетагильского приказчика и одного из руководителей уральского раскола середины XVIII в. Ивана Андреева – прямой комментарий к тексту, содержащемуся в «духовном паспорте» – «какие де им пашпорты надо было, кого как бог управит». Так на мировоззренческом уровне трудящихся эпохи позднего феодализма возникло противопоставление светской власти – самому богу, порядков Российской империи – «граду бога вышняго», а отсюда – и незаконность порядков, при которых «бес писменного виду никому и пропуска не чинят».

Личность и оценка итогов деятельности Петра I продолжала привлекать особое внимание трудящихся Урала. В историографии достаточно полно нашли свое освещение легенды «о Петре-антихристе», бытовавшие в широких слоях феодальной России[2]. Однако негатив-

[1] *Нестеров А.Г.* Берестяные рукописи Свердловского историко-революционного музея // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 234 – 235.

[2] См., в частности, *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. (По материалам Преображенского приказа). М., 1957; *Гурьянова Н.С.* Старообрядче-

ное отношение к Петру I – это лишь одна сторона в противоречивых процессах развития общественно-политической мысли народных масс. Прежняя однозначность, активное неприятие и его самого, и его наследия, свойственное первой трети XVIII в., сменилась на более сложные, зачастую взаимоисключающие оценки к середине XVIII в. К сожалению, мы не располагаем сведениями об отношении к Петру I в среде крестьянства Европейской России этого времени. Материалы же истории Урала свидетельствуют, что одновременно с сохранением резкого осуждения Петра I, с которым продолжали связывать учреждение ревизских переписей, паспортов, введение иноземных порядков и т.д. (эта традиция отношения к Петру была закреплена в старообрядческой книжности), появляются и сведения об идеализации Петра I и его времени.

Сошлемся на «Книги секретных дел» Главного правления Сибирских и Казанских заводов. В январе 1750 г. в кабаке при Ягошихинском заводе деловой человек Строгановых Андрей Цивилев сокрушался, что «при прежнем государе было все хорошо, а ныне де не то»[1]. Услышав эти слова, унтер-шихтмейстер Иван Богданов выкрикнул «слово и дело».

При допросах Цивилев утверждал, что говорил он не так, а «что первый монарх бложенныя и вечной славы достойные памяти государь император Петр Великий был славный монарх и многим ордам победитель, а таких слов, как в вопросе показано, что при первом государе было все хорошо, а ныне де не то – не говаривал». Свидетель крестьянин Ягошихинского завода Александр Марьин подтвердил, что Цивилев действительно говорил про Петра I, «что был славный монарх и многих орд победитель», но слышал он, что Цивилев добавлял: «при прежнем де государе было все хорошо, а не так де, как нынешние»[2].

И даже деятельность сподвижника Петра I, того самого Акинфия Демидова, на «всеконечное разорение» от которого жаловались

ские сочинения XIX в. «О Петре I – антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 136 – 153; *Покровский Н.Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 48 – 79 и др.

[1] «Прежним государем» мог быть только Петр I. Кратковременное правление Петра II оставило иной след в народном сознании. Он не столько правил, сколько должен был править. Отсюда и легенды о Петре II, скрывавшемся до поры. См.: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 124 – 135; *Покровский Н.Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 63 – 64.

[2] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1115. Л. 67 – 68 об.

крестьяне в первые три десятилетия XVIII в., спустя двадцать с лишним лет стала оцениваться неоднозначно. Примечательны здесь обстоятельства ссоры из-за покосов крестьян деревни Треки казенных Чусовских пристаней и жителей Уткинского завода Демидовых, произошедшей в 1750 г. Крестьяне Трекинской деревни, доказывая свои права, сослались на «государеву данную». В ссоре уткинский житель Яков Григорьев Цыган опрометчиво сказал: «...на что так много казенного места захватили и сене много косите, и не толко де вам того сена приисть, но с етого сена и государь ваше умрет»[1].

Позже, оправдываясь перед судьями, Григорьев говорил, что собирался он сказать: «Когда бы господин наш Акинфий Демидов был жив, то бы де государь пожаловался. Но когда ево Смоленцов (трекинский крестьянин. – *Р.П.*) отстегнул по ушам прутом, и от того не опамятовся, в сердцах своих может еще непристойные слова... и выговорил»[2]. Не так уж важно, что говорил или не говорил в ссоре из-за покосов житель Уткинского завода. Важно, что и позже, на суде, он обратился к временам государя Петра I и Акинфея Демидова как к некоей положительной антитезе современным ему порядкам.

В изменении отношения к Петру I и к порядкам Российского государства явственно проступают черты, свойственные «наивному монархизму» трудящихся XVIII в.

Поиск положительного идеала государственных порядков в условиях феодализма был исторически ограничен, он не выходил за рамки представлений о монархическом правлении. Однако у этого идеала не было и не могло быть реального прототипа, поэтому образ идеального правления конструировался в рамках народного сознания. Одной из его особенностей было противопоставление старого, законного – новому, незаконному. Так, прежде осуждавшиеся крестьянами XVII в. размеры десятинной пашни, установленные в первой половине XVII в., стали восприниматься как единственно законные во второй половине XVII в. Петровские времена, тягостные и разорительные, противопоставлялись «тихому и немятежному» времени правления царя Алексея Михайловича. Но и петровская эпоха, как никакая другая круто изменившая образ жизни уральских трудящихся, становится позже объектом идеализации.

---

[1] ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1116. Л. 60 – 60 об.

[2] Там же. Л. 61. Эти рассуждения не спасли Я.Григорьева от наказания плетьми нещадно.

Заслуживает быть специально отмеченным, что сходные процессы происходили и в фольклоре, где образ Петра I утратил однозначность, стал в ряде случаев объектом идеализации. О бытовании таких сюжетов на Урале см.: Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 137, 154, 158, 310, 313. См. также: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. С. 92 – 94.

Крестьянское сознание традиционно искало в прошлом опору для настоящего. То, что эта опора – иллюзорна, тем более очевидно, что сравнительно недавние десятилетия петровского правления продолжают привлекать внимание «юристов» из среды приписных крестьян, мастеровых и работных людей как время, когда была совершена, по их мнению, несправедливая приписка крестьян к заводам, закрепление за заводами по своей воле пришедших людей, превращение их в «вечноотданных», «не помнящих родства», «сверстанных с крепостными». И тем не менее в историческом сознании народных масс растет представление о Петре I – крутом, но справедливом царе. Эта тенденция вполне уживалась с рассуждениями о «неистовых царских родах», с традицией провозглашения царей, начиная с Алексея Михайловича, «предтечами антихристовыми», а то и прямо «воплощением антихристовым».

Отмечая противоречивость общественного сознания трудящихся и происходившие вследствие этого противоречия в общественно-политической мысли, мы должны учитывать, что эти противоречия устранялись в процессе социальной деятельности. Именно в этих противоречиях – источник возможности сосуществования в одной среде различных форм социального протеста: среди них подача челобитных на высочайшее имя и слухи о неистовости императора, которые способствовали обоснованию для отказа от участия в переписях, от признания паспортов и рекрутчины. Они ни в коей мере не мешали ожиданию истинного императора, представителя той же самой «неистовой» династии.

Одной из форм проявления «наивного монархизма» приписного крестьянства стало, как отмечалось выше, ожидание «милостивых» императорских манифестов, по которым должно было произойти освобождение от заводов.

Обер-секретарь Сената В.И.Крамаренков, автор «Выписки о горных делах», созданной в процессе подготовки манифеста о приписных крестьянах в 70-е гг. XVIII в.[1], указывал, что «работы заводские от самого заведения заводов и потом всегда тягостными казались, сие можно видеть из многих побегов и упорств, приписными заводскими крестьянами в разные времена сказанных, которые не только были не малым препятствием успеху в построении заводов и в размножении оных действия, но нередко и управляющих заводами подвергали опасности...»[2]. Опираясь на многочисленные сведения, имевшиеся в его распоряжении, Крамаренков отметил, что припис-

[1] *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. М., 1979. С. 7.

[2] *Крамаренков В.И.* Материалы для истории рабочих на горных заводах. (Из записки В.Крамаренкова) // Архив истории труда в России. – Пг., 1921. 1. С. 92.

ные крестьяне, ссылаясь на различные правительственные указы и «толкуя превратно, объявляли себя свободными... от заводских работ»[1].

Для этой цели были использованы указы от 12 октября 1760 г. об увеличении подушной подати, от 21 марта 1762 г. о запрещении покупать крестьян к заводам, от 27 мая 1769 г., манифестов от 6 июля 1762 г. и 7 марта 1775 г. и ряд других. Надежда на освобождение «по закону» входила в систему социально-политических представлений приписного крестьянства. Она сочеталась с убеждением, что выполнению воли императрицы мешают местные власти, скрывая такие указы. Эти новости, распространяясь в среде приписных, обрастали подробностями.

Попытки правительственной «контрпропаганды» оказывались мало успешными. Волнения приписанных к заводам крестьян в середине XVIII в., особенно на первых этапах, до прибытия в начале 1763 г. следственной комиссии А.А.Вяземского[2], в значительной степени были связаны со спорами вокруг истинности указов, которыми пытались послать крестьян на заводские работы. Так, начало волнений крестьян Масленского острога и Барневской слободы в мае 1760 г. было связано с распространением там слухов, что они приписаны к Каслинскому и Кыштымскому заводам незаконно, что нет специального указа о их приписке. Когда же Шадринская управительская канцелярия 18 июля 1760 г. решила собрать представителей от крестьян для того, чтобы объявить указ Сената, по которому им нужно было выполнять обязанности приписных, то триста пришедших в Шадринск крестьян «все закричали, что в заводские работы не идут, воля де в том великой государыни»[3]. Когда же в ответ на крестьянские челобитные Сенат и Берг-коллегия решили произвести расчет с приписными, вернуть им переработанные сверх подушного оклада деньги, но, вместе с тем, заставить их работать на заводах, крестьяне воспротивились: «лутче до единого здесь помрем, а к Демидову на заводы не идем, да не извольте более нам резоны представлять, мы... уже давно и сами указы ведаем»[4]. «Дал нам ныне бог указ, чтоб в заводские работы не идти, теперь пускай идут хоть три полка, не испугаемся»[5].

---

[1] *Крамаренков В.И.* Материалы для истории рабочих на горных заводах. (Из записки В.Крамаренкова) // Архив истории труда в России. – Пг., 1921. 1. С. 104.

[2] Подробнее см.: *Орлов А.С.* Волнения на Урале... С. 60 – 135.

[3] *Кондрашенков А.А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке // Сов. Зауралье (Курган). 1962. С. 46.

[4] Там же. С. 49.

[5] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2. С. 336.

Заслуживает быть отмеченной оценка, данная самими крестьянами таким указам. Приписанные к Ижевским заводам крестьяне, узнавшие о том, что на Авзяно-Петровском заводе есть указ, «по которому их посылать в работы не велено», решили, что «этот указ будет на пользу всему народу»[1].

Глубокая убежденность в том, что императорская власть – заступница за крестьян, привела к появлению в их среде истолкования сенатского указа о посылке на Урал следственной комиссии полковника Д. Лопатина, согласно которому Лопатин, выполняя волю императрицы, не мог их усмирять «военною рукою» и «на работы усильно и с принуждением не высылать»[2].

Распространялись слухи о том, как улучшилась жизнь приписных крестьян, которые отказались работать на заводах на основании этих указов. Разговоры, что «багарякские крестьяне (участники волнений против работы на Сысертских заводах. – *Р.П.*) отбились и живут, как именинники» велись на многих заводах Урала[3].

Характерная черта, присущая «наивному монархизму» приписного крестьянства – противопоставление монарха чиновничьему аппарату Российской империи , отразилась и в фольклоре. Шадринским крестьянином А.Н. Зыряновым была записана и издана в 1859 г. сказка «Крестьянин и незнаемой человек»[4]. Фабула ее традиционна: это один из вариантов новеллистической сказки-сюжета «Куда тратятся деньги»[5]. Суть его – в рассказе, как крестьянин (портной, кузнец, солдат, дровосек, каменотес) задает загадку встречному человеку (воеводе, боярину, чаще – царю) о том, на что он тратит деньги, когда одну часть своего заработка он дает взаймы, другую – платит долг, третью – бросает за окно (иногда здесь добавляется, что частью денег он платит налоги, а еще часть тратит на себя и на жену). Позже он растолковывает, что платить долги – это кормить родителей, давать в долг – кормить сыновей, бросать в окно (в море) – кормить дочерей (тещу). Царь загадывает эту загадку своим

---

[1] *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. С. 81.

[2] Там же. С. 135.

[3] См.: *Калюжный В.И.* Движение приписных крестьян Сысертских заводов в 1759 – 1763 гг. // Доклады на секциях музейно-краеведческого совета Свердловского областного краеведческого музея. Свердловск, 1957. С. 3 – 27; *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. С. 91, 136.

[4] Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. – Ч. 1. С. 121-124. См. о А.Н.Зырянове: *Иванча И.А., Кашеверов М.С.* Александр Никифорович Зырянов // Исетско-Пышминский край. Сб. краеведческих статей. Посв. памяти местного краеведа А.Н. Зырянова. Шадринск, 1930. С. 1 – 10.

[5] См.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка / Сост. Л.Г.Бараг и др. Л., 1979. С. 232, 921 А = АА 921 1А. Там же библиография изданий текстов этого сюжета.

боярам, те обращаются за помощью к мужику, щедро вознаграждая его.

Сравним с этим запись сказки, сделанную А.Н.Зыряновым. К крестьянину, заготовлявшему дрова, подошел незнакомый человек и спросил его: «Бог-помощь тибе, человек доброй! Скажи-ка, не солги, по-много-ли нарубишь ты етих дров в день сажен и по-много ли зарабываешь деньгами на етих дровах?»

Крестьянин сердито встретил этого любопытствующего: «Что тебе нужно знать? Что ты за ревизор ко мне приехал в лес? Поезжай-ко туда, отколя приехал!»[1].

Однако любопытство было вовсе не праздным. Незнакомец открылся, что он – царь. «То же я, по крайней мере, худо – не корысно, буду ваш царь, и это нужно знать царю».

Крестьянин-лесоруб объяснил, что зарабатывает он три полтины. Рассказал и о том, как их тратит. «Перву полтину заемну плачу (родителям . – *Р.П.*), а втору – взаймы даю (детям), третья – это – так уходит.

...Как то даром бросаешь?

А вот так, ваше царское величество: видиш-ли, третью полтину даю писаришкам да господам...

На что то оне берут с вас ете деньги?

Кто? Писаришки-те, да господа те? Ну, кто их знает, на что оне берут, как оне живут.

Не по нашему, да и не по вашему, царь»[2] (курсив мой. – *Р.П.*). Мужицкая логика показалась царю вполне убедительной. А дальше мужик при помощи царя посрамил князей, бояр и думных дьяков, получив с них деньги.

Записанный А.Н.Зыряновым вариант имеет ряд важных особенностей. Прежде всего отметим, что только в нем тема напрасно истраченных денег озывается связанной с «исаришками и господами» Во всех других записях – это деньги, которые тратятся на дочерей (в абсолютном большинстве текстов), в одном варианте, известном еще по «Письмовнику», изданному в 1769 г. – это деньги на тещу[3].

---

[1] Пермский сборник. Кн. 1. Ч. 1. М., 1859. С. 122 – 124.

[2] Там же.

[3] См., в частности: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. / Вступ. статья, подготовка текста и коммент. Н.В.Новикова. Л., 1971. С. 239 – 240; Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Изд. 2-е. М., 1909. Т. 2. С. 368 – 369; Сказки и предания Северного края / Запись, вступит. статья и коммент. И.В.Карнауховой. Л., 1934. С. 112 – 114; Русский фольклор в Литве. Вильнюс, 1975. С. 282 – 283; Северно-русские сказки в записях А.И.Никифорова. М.; Л., 1961. С. 35 – 36; Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3-х т. М., 1985. Т. 2. С. 13; Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 2–3. С. 566, 702, 745 – 747; Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI – XVIII

В текстах встречаются упоминания о налогах, однако они лишены какой-либо оценки, дело не шло дальше простой констатации, что налоги – это часть обычных расходов[1].

Здесь же эта тема переносится из нравственно-бытовой в социальную, приобретает совершенно иное звучание.

Изучавший записанные А.Н.Зыряновым сказки А.И.Лазарев отмечает, что при пристальном рассмотрении зыряновских текстов можно заметить, что в них отразился не только крестьянский быт. Анализируя их, исследователь уточняет, что это быт приписной деревни и населения уральских заводов, и тексты сказок, записанных Зыряновым, «безусловно свидетельствуют о влиянии на традиционную сказку горнозаводской среды»[2]. Сказка «Крестьянин и незнаемой человек» не стала здесь объектом специального исследования А.И.Лазарева.

Однако, по нашему мнению, горнозаводской быт достаточно полно отразился и в ней. Позволим себе высказать предположение, что возможно даже конкретизировать время, когда бытовые детали проникли в сказочный текст. Основанием для таких наблюдений служит то, что в бытовой сказке сказочное пространство и время обычно приближено к рассказчику и слушателю. До определенного момента сказка воспринималась как бытовой, вполне правдоподобный рассказ[3].

Напомним, что действие сказки в записи Зырянова разворачивается в лесу, где крестьянин рубит дрова. Такая ситуация встречается в текстах этого сюжета[4]. Однако в уральском варианте привлекают характерные детали: «незнаемой человек» не просто интересуется тем, сколько зарабатывает и как тратит деньги лесоруб. Его интересуют «расценки»: «Скажи-ка, не солги, по много-ли нарубишь ты етих дров в день сажен и по-много ли зарабатываешь деньгами на етих дровах?» Вопрос о том, сколько нужно было платить за заготовку сажени дров для приготовления угля, был объектом специальных исследований органов уральского горнозаводского управления[5], слу-

---

века) / Вступ. статья, подготовка текста и коммент. Н.В.Новикова. Л., 1971. С. 61, 269.

[1] Народные русские сказки А.Н.Афанасьева.Т. 2. С. 13.

[2] Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 2–3. С. 702, 745 – 747.

[3] Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А.М. Новиковой. М., 1978. С. 164, 168.

[4] См.: Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т. 2. С. 368 – 369; Русский фольклор в Литве. С. 282 – 283.

[5] См., например, сведения об опытной заготовке угля, произведенной по распоряжению В.И. Геннина в 1726 г. с целью выработать расценки: ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 13. Л. 686 – 708.

жил причиной постоянных споров между властями и приписными крестьянами, отразившихся в огромном числе челобитных[1].

На делянках, где заготовляли лес, часто возникали конфликты с заводскими приказчиками. В челобитной крестьян Масленского острога и Барневской слободы, поданной в 1761 г., они жаловались на их злоупотребления: «А хотя из нас, крестьян, приказом прикащиков и нарядчиков ошибкою отрубят и окоротят на вершок полено, то тех навяжут, яко татю или сущему злодею, и водят по всему дровосеку и шалашам. И у всякого шалаша немилостиво стегают плетми и кнутьем, приговаривая то: "Каково де ты полено рубил, тако де и тебя рубят..." Надсмотрщик и прикащики прикажут оставлять... пень вышиною от земли на одну четверть... А после объявят, якобы покинут высок. И за то, разве не домогаясь ли чего, они тех крестьян, которые дрова рубили, положа на рубленой пень, так плетми немилосердно секли, приговаривая при том: "Твой де пень не гладок, и когда де ево до земли брюхом своим згладиш, то и сечь перестанем"»[2].

Сравним с этим реакцию героя сказки – мужика – на появление на делянке «незнаемого человека»: «Что тебе нужно знать? Что ты за ревизор ко мне приехал в лес? Поезжай-ка туда, отколя приехал!»

Но выяснилось, что это царь, который хочет знать, как живут его подданные. Имя царя здесь не называется. В ряде других записей он именуется Петром[3]. Тема скитающегося царя была широко распространена в фольклоре XVIII в.[4] Слухи бродили в 60-е гг. XVIII в. среди приписных крестьян Урала и оренбургских казаков, что Петр III «вживе и неоднократно де в Троицкую крепость вместе с... бывшим оренбургским губернатором Волковым приезжали для разведывания о народных обидах в ночные времена»[5]. Традиционный сказочный сюжет оказался «погруженным» в быт уральской приписной деревни XVIII в.[6] Так возникла возможность перенести в сказку свойствен-

---

[1] Отмечу лишь реакцию на эти споры в исследовании И.И. Лепехина. См.: *Лепехин И.И.* Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полн. собр. ученых путешествий по России... СПб., 1822. Т. 4. С. 141 – 144.

[2] Цит. по: *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. С. 194 – 195.

[3] Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т. 2. С. 368 – 369; Сказки и предания Северного края. С. 112 – 114; Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 2–3. С. 566.

[4] См., в частности: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды. С. 91 – 220; *Покровский Н.Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников... С. 62 – 74.

[5] *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 111 – 112.

Сказка «Крестьянин и незнаемой человек» безусловно заслуживает специального филологического исследования. По нашему мнению, обилие конкретно-исторических деталей сближают ее с опубликованным А.М. Смирновым текстом «Солдат Сироткин», где действие развивается на

ное политическому сознанию крестьян резкое осуждение «писаришек да господ», налогов и поборов, которые «даром бросаются», так как попадают к этим «писаришкам и господам», а также надежду на освобождение от них при помощи царя.

Эта надежда с особой силой проявилась в событиях Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. Уже не в сказке, а в жизни крестьяне обращаются к «Третьему императору» – Пугачеву с просьбой о защите: «Еще великую надежду имеем, чтоб на него царское величество сердечно как бы избавило от лютых и дивиих зверей ядовитых, преломил бы вострые когти их, злодеев бояр и офицеров, как у нас в Юговских казенных заводах Михайла Ивановича Бышмакова, также Ивана Сидоровича Никонова, да в городе Кунгуре Алексея Семеновича Елчанинова...»[1]. Уже не в сказке, а в жизни крестьяне ждут от царя наказания «лютых и дивиих зверей ядовитых», «писаришек до господ».

Именно в слухах – один из источников крупных социальных процессов, порожденных Крестьянской войной XVIII в. – уходов приписных крестьян от заводов. Власти боялись возвращения домой приписных, оказавшихся в тех местах, где разворачивалось восстание, справедливо связывая с ними распространение идей Крестьянской войны. Оренбургская секретная комиссия, докладывая Екатерине II от 21 мая 1774 г., писала: «Что касается заводских крестьян, то они были всех прочих крестьян к самозванцу усерднее, потому что им от него также вольность обещана, тож и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят и в разсуждение тягости работ и дальних переездов, для чего и исполняли с усердием насылаемые к ним на заводы из злодейской названной коллегии указы»[2].

Отметим в этой примечательной оценке приписной деревни одну черту: приписные «исполняли с усердием насылаемые к ним на заводы из злодейской названной коллегии указы». Непосредственный повод действий крестьян – «из злодейской... коллегии указы». Сами же крестьяне, в свою очередь, свидетельствовали, что уходят они с заводов «в силу оных указов». В приговоре приписных крестьян Авзяно-Петровского завода 23 октября 1773 г. они писали: «Сего 1773 года октября 22 дня получили указ его императорскаго величества Петра Третьяго императора, и с тем, что не самовольно, в силу оных указов ехать з заводов повелено. Притом мы все, приписные крестьяне,

строительстве каналов у Петербурга при Петре I. Исполнитель назвал эту сказку «побывальщиной». См.: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 2–3. С. 566.

[1] Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773 – 1774 гг. С. 202 – 203.

[2] Там же. С. 13.

оному повинились: ехать в свои отечества согласны»[1]. И здесь побудительный мотив – указ «Петра Третьяго императора». Однако внимательный исследователь Крестьянской войны на Урале А.И.Андрущенко выяснил, что ни в одном из известных повстанческих указов нет прямых данных о роспуске приписных с заводов[2]. Тем более хорошо известно, что такого указа не было в первый месяц Крестьянской войны.

Р.В.Овчинников, автор комментария к цитированному выше документу-приговору крестьян Авзяно-Петровских заводов, отмечает, что те были освобождены от заводской работы на основании указа Е.И.Пугачева от 17 октября 1773 г.[3]. Если мы обратимся к тексту этого указа, то обнаружим, что он содержит призыв служить «Петру Федоровичу Всероссийскому» «как деды и отцы ваши служили предкам моим», повеление исправить и скоро прислать «два тартила и з бомбами», а также пожалование крестом, бородой, рекой и землей, травами и морями, денежным жалованьем, хлебом, провиантом, свинцом, порохом «и всякою вольностию»[4].

Прямого указания на то, что можно быть свободными от заводов, здесь нет. Но указы Пугачева ждала та же судьба, что и «милостивые манифесты» Екатерины II. «Юристы» из среды приписных находили в них не существовавшие указания на то, что «крестьянам ныне быть от заводов свободными». Другое дело, что пожалование Пугачевым «всякою вольностию» создавало для такого толкования реальные социально-политические предпосылки, отсутствовавшие в манифестах правительства.

Особо следует отметить обобщенность образа «истинного царя» в представлениях приписных крестьян. К этой роли подходил и Пугачев, и Екатерина II. Даже карательные органы, созданные для подавления Крестьянской войны, становятся в слухах, как свидетельствуют документы, орудием императорской воли для освобождения крестьян от заводов.

В январе 1776 г. в Берг-коллегию поступило доношение от заводчика Евдокима Демидова, в котором сообщалось о казаке Иване Михайлове, который «приписным крестьянам делал разглашение, и при том уверял крестьян, что к вам де приедет завтрее наш табын-

---

[1] Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773 – 1774 гг. С. 111.

[2] *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773 – 1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 237.

[3] Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 408.

[4] Там же. С. 30 – 31. См. также: *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И.Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 50 – 52.

ский писарь... с указом определить вас на линию»[1] (то есть осуществится давняя мечта крестьян – их не только освободят от заводов, но и превратят в казаков).

Следствие, проведенное по поручению Берг-коллегии оренбургским губернатором Рейнсдорпом и Уфимской провинциальной канцелярией, выяснило, что казак Иван Михайлов Тангин не поехал вместе с другими казаками к башкирским старшинам в Бурзянскую волость, а направился на Нижний Авзяно-Петровский завод «и стал сказывать партишным приписному к тем заводам крестьянину Петру Лаутову с товарищи, что молитися вы богу, вам не быть под заводом, а Демидов ваш взят закованный в железа и за караулом отправлен к графу Петру Ивановичу Панину в следствие. И оттоле приехал на Каслинский завод без ведома конторы и объехал караул, стал в доме у приписного крестьянина Ильи Марьина, и от того пошел в другой их дом к приписному крестьянину к Федору Талапину на свадьбу. И стал им разглашать, что де я еду к старшинам с указами, а об вас читали в Табынске на базаре указ, что вам не быть под заводом. И завтра приедит к вам наш Табынский писарь, и с ним двое казаков с указом же, определить вас на линию в казаки, а за Демидовым вашим приехали ж казаки шесть человек гренадер и, заковав в железа, увезли в Казань»[2].

Слух распространился там, где всего два-три года назад бушевала Крестьянская война под знаменами «Третьего императора». Пугачева казнили, но надежды на освобождение остались живы. Только слухи о том, что приписным будет избавление от завода, стали связывать не с «Третьим императором», а с императрицей Екатериной II. Необычность ситуации выявляет неизменность позиции приписной деревни – царская власть должна освободить от заводской неволи. В этом – нравственное обоснование постоянной, не прекращавшейся буквально ни на год борьбы приписного крестьянства, вынудившего правительство на рубеже XVIII – XIX вв. отменить институт приписных и заменить их «непременными работниками».

Исследование социально-политических взглядов трудящихся, отразившихся в памятниках общественно-политической мысли, позволяет высказать некоторые замечания целях, которых добивались трудящиеся.

Прежде всего это стремление избавиться от повинностей, навязываемых заводскими властями, защитить свои права. При всей ограниченности положительного опыта, накопленного приписными крестьянами, следует учитывать, что в ходе волнений крестьянам

[1] ЦГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1352. Л. 586.
[2] Там же. Л. 586 – 589 об.

удавалось на некоторое время добиваться освобождения от заводских работ. Эти кратковременные победы получили такую оценку, которая служила стимулом для действий других крестьян, становилась социальным ориентиром, и в этом качестве дополнялась, уточнялась на основе представлений, присущих общественному сознанию трудящихся. Конечно, эта цель была утопична и недостижима в реальностях социально-экономического и политического развития России XVIII в., что, однако, не исключает наличия в этих социально-ориентирующих представлениях реального ядра – опыта, накопленного трудящимися.